

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.136-152>
EDN: PRNETA

УДК 94

**ПОТОМКИ ИДЕГЕЯ: К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ
ВЛАСТИ В НОГАЙСКОЙ ОРДЕ XVI ВЕКА****М.В. Моисеев**

*Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
maks-moisee@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: изучение проблемы соответствия уровня организации ногайского общества уровню его элиты.

Материалы исследования: работа построена на анализе русских посольских книг и летописей. А также основана на теоретических идеях В.В. Трепавлова и П. Турчина. В исследовании как теоретическая рамка использована идея о «перепроизводстве элиты».

Результаты и научная новизна: под элиту в узком смысле слова в Ногайской Орде подходит ограниченное число высших статусных позиций. Первоначально это были улусный бий и улубий орды, естественно при такой узкой базе ожесточенные столкновения за власть были неизбежны, так как перепроизводство элиты происходило почти сразу, как только такое сообщество появлялось. Попытки стабилизировать систему привели к появлению крыльевой структуры и увеличения высокостатусных позиций, однако число претендентов постоянно росло. В итоге, Ногайская Орда попала в «эффект усиления», когда число претендентов на высокостатусные позиции было заметно больше, чем могла удовлетворить социальная организация Ногайской Орды. Этот «эффект усиления» пришёлся на середину XVI в. и из-за неразвитости социальной структуры ногайской конфедерации взорвал ее изнутри. В этих условиях выходов из кризиса было не много. Во-первых, нужно было усложнить систему управления, что ногайские бии попытались сделать. В частности, источники фиксируют должность сарайчуковского даруги, которая достается представителю династии Идегея, чего ранее документы не сообщали. Затем появляться должность «тайбуги», но все эти новации не смогли кардинальным образом переломить ситуацию. Во-вторых, это выход из конфедерации и создание своих политий. Примером такой стратегии и стали откочевки Гази б. Урака и создание своей политии – Казыев улуса и создание Шейхмамаевичами – Алтыульского улуса. В-третьих, отъезд к другому монарху на службу, что привело к формированию феномина «служилости» у ногайской аристократии.

Ключевые слова: Ногайская Орда, Идегей, потомство Идегея, государственность, вождество, перепроизводство элиты, «эффект усиления»

Для цитирования: Моисеев М.В. Потомки Идегея: к вопросу о структуре власти в Ногайской Орде XVI века // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 136–152. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.136-152> EDN: PRNETA

© Моисеев М.В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

DESCENDANTS OF IDEGEI: ON THE ISSUE
OF THE POWER STRUCTURE IN THE NOGAI HORDE
OF THE 16th CENTURY

M.V. Moiseev

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
maks-moisee@yandex.ru*

*“I decided that since sources on the Horde history are available
for its description and study – why not try it? And let the development of various
theories on it, as on a punching bag, form the next stage of research...”*

From a letter from V.V. Trepavlov to N.N. Kradin,
14.01.2002 [7, p. 66].

Abstract. Research objectives: To study the problem of comparing the level of organization of Nogai society at various levels up to the level of its elite.

Research materials: This work is based on the analysis of Russian embassy books and chronicles. It is also based on the theoretical ideas of V.V. Trepavlov and P. Turchin. The research uses the idea of "overproduction of the elite" as a theoretical framework.

Results and scientific novelty: In the narrow sense of the term, a limited number of top status positions in the Nogai Horde were suitable for the elite. Initially, these were the ulus bey and the Ulubi Horde. Naturally, with such a narrow base, fierce clashes for power were inevitable since overproduction of the elite occurred almost as soon as such a community appeared. Attempts to stabilize the system led to the emergence of a wing structure and an increase in high-status positions, but the number of applicants to these positions was constantly growing. As a result, the Nogai Horde fell into an "amplification effect" where the number of applicants for high-status positions was noticeably greater than the social organization of the Nogai Horde could satisfy. This "amplification effect" occurred in the middle of the 16th century. Due to the underdevelopment of the social structure of the Nogai confederation, it exploded from the inside.

Keywords: Nogai Horde, Idegei, Idegei's offspring, statehood, chiefdom, overproduction of the elite, "reinforcement effect"

For citation: Moiseev M.V. Descendants of Idegei: on the issue of the power structure in the Nogai Horde of the 16th century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 136–152. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.136-152> (In Russian)

*«Я решил, что источники по истории Орды доступны для ее описания
и изучения – почему бы не попробовать? А отработка на ней,
как на боксерской груше, разнообразных теорий
пусть составит следующий этап исследования...»*

Из письма В.В. Трепавлова – Н.Н. Крадину,
14.01.2002 г. [7, с. 66].

История Ногайской Орды неразрывно связана с историей потомков Идегея. Именно они составляли властную элиту у ногаев и сохраняли свою монополию на власть на протяжении длительного времени. Особенно выпукло

связь власти с этим родом выступала в Мангытском Юрте (Ногайской Орде). Организация и структура власти весьма обстоятельно изучена В.В. Трепавловым (1960–2023). В ходе обсуждения с Н.Н. Крадиным проблем развития кочевнических сообществ в 1989–1990 гг. В.В. Трепавлов сформулировал ряд идей, которые он реализовал в своих исследованиях. В частности, он отмечал следующее «...большинство кочевых империй балансировало на грани между сложным вождеством и ранним государством – с «креном» в ту или иную сторону» [7, с. 57]. Ведущим фактором в этом переходе было «...не окончательное сложение классов, а уровень организации социума» [7, с. 58]. Анализируя уровень организации ногайского социума В.В. Трепавлов, пришел к выводу, что в самом начале в Ногайской Орде были «две категории административных иерархов – беки (бии) и правители улуса». Положение бия, как главы всей Ногайской Орды, легитимизировалось Чингизидом. Затем у ногаев сложилась крыльевая структура, в рамках которой властная иерархия усложнилась. К двум первым иерархам добавились нурадин, правитель западного крыла и кековат, правитель восточного крыла. После 1584 г. появился последний чин во властной структуре – тайбуга, который управлял эмигрантами из Сибирского ханства [17, с. 177, 252–253, 412].

Целью исследования является изучение проблемы соответствия уровня организации ногайского общества уровню его элиты. В своей работе я опираюсь как на исследования В.В. Трепавлова, так и теоретические находки Петра Турчина, сформулированные им в рамках клиодинамики. Основной источниковой базой выступают посольские книги по связям России с Ногайской Ордой.

Потомки Идегея имели свою идеологию, которая являлась базой для их внешней и внутренней политики. Интересно, что для Идегеевичей главной была идея, что хан не может быть поставлен на престол «черными людьми», это настолько недопустимо, что угроза подобного действия вполне может вызвать вторжение. Именно так, оправдывали свое вмешательство в казанские дела ногаи: «А казанские люди коли Шигалъя царя взяти не хотѣли были да к нам приказывали, чтоб нам им царя дати, ино от черных людей царь не будет, и мы брата своего Едигер Магметя царя послали» [13, с. 105]. Чингизид – необходим государству. Эту мысль высказал Исмаил по отношению к ситуации в Астрахани в 1556 г., когда предложил отправить туда выехавшего в Московское государство султана Токтамышя: «...а астараканским людем черным о нем держатися будет добро, толко ныне царевича отпустишь» [13, с. 254]. Этот комплекс идей характерен не только для постордынского времени, но, очевидно, восходил к ордынской эпохе. Так, Утемиш-хаджи, повествуя о событиях предшествовавших возведению Узбека на престол, рассказывал примечательную историю. «Был некто по имени Бачир Тукбуга из омака уйгур. Род у него и племя были многочисленными. К тому же, он был аталыком хана. Шайтан попутал [его], стал ханом простой человек» [20, с. 41]. Позднее этого самозванного хана убили, а один из заговорщиков объявил: «Да прекратится после этого воцарение на ханство черных людей!» [20, с. 43]. Это же запрещение сообщал Идегей своему сыну: «Человек черной кости не может быть ханом» [20, с. 64]. То есть можно говорить о комплексе представлений, которые обосновывали удержание власти в рамках рода Чингиза. Особенно актуальными эти идеи были в кругу не-Чингизидской знати. Во

всяком случае, именно в посланиях потомков Идегея эти идеи нашли отражение и именно в их кругу, в условиях захвата русскими татарских ханств, управляемых чингизидами, появились мысли о принадлежности царя Ивана Грозного к этому избранному семейству. То есть можно утверждать, что для идеологии потомков Идегея характерно представление о себе, как хранителях традиционного порядка. Очевидно, что Чингизиды в рамках этих взглядов играли особую роль – источника легитимной власти, которой они наделяли племенную знать. В случае с Мангытским юртом именно Чингизид наделял достоинством бия того или иного степного аристократа, даруя тем самым ему верховную власть над юртом. Однако, в условиях разрастания потомства Идегея возникала необходимость «разветвления» власти, но это не было предусмотрено традиционными институтами. Это обстоятельство приводило к жестким конфликтам, сопровождавшимся междуусобными столкновениями. Выходом из этого могло стать только усложнение структуры управления Ногайской Ордой, хотя и не гарантировало прекращения внутренней борьбы.

Противостояние между потомками Идегея в Мангытском юрте фиксируется источниками с довольно раннего времени. Основной причиной его была борьба за верховенство в Ногайской Орде. В этом смысле довольно показательна история противостояния братьев – Мусы и Ямгурчи.

С лета 1491 г. (в Москве это стало известно осенью того же года) в Ногайской Орде шла борьба между знатью, но до поры до времени она не принимала открытого характера. Зимой 1491–1492 гг. стали очевидны противоборствующие группы и их интересы. Против Мусы выступали Аббас и Ямгурчи. Они желали избрать на ногайский престол сибирского хана Ибака. Ибак был одним из наиболее ярких представителей сибирских Шибанидов. С ногаями его связывали давние отношения. В конце 1460-х гг. он выступал совместно с ногаями против узбекского хана Шейх-Хайдара б. Абул-Хайра и его союзника хана Большой Орды Ахмеда. Именно он возглавлял нападение татарско-ногайского войска на ставку Ахмеда в 1481 г., когда последний погиб. Долгое время Ибак был ханом Ногайской Орды. По наблюдениям, В.В. Трепавлова, Ибаку удалось сохранить некоторую независимость и дистанцию от ногайских аристократов [16, с. 103, 105, 115]. Очевидно, что движение Аббаса и Ямгурчи было враждебно Мусе, возвращение же Ибака угрожало тем успехам, которых он добился и которые во многом зависели от стабилизации положения Мухаммед-Эмина б. Ибрахима в Казани. В 1493 г. в Москве стало известно от русского посла в Крыму К. Заболоцкого, что Муса выдал свою дочь за хана Большой Орды Шейх-Ахмеда, которого «...князи..., с Орды сбили, что женился у Муси» [14, с. 180]. Подобный маневр со стороны Мусы политика, вероятно, довольно осторожного [1, с. 168] на первый взгляд трудно объясним. Однако при рассмотрении расстановки сил в Ногайской Орде того времени видно, что его поступок был вынужденным в ходе противостояния с Ямгурчи и Аббасом. По наблюдениям В.В. Трепавлова статус Аббаса имел очевидный «племенной» оттенок, тогда как положение Мусы имело «смысл только при правящем хане» [16, с. 117]. В условиях, когда Аббас и Ямгурчи были сторонниками Ибака, то положение Мусы подвергалось угрозе. Необходимо отметить, что на политическом пространстве Дешт-и Кыпчак преимущественное право на занятие ханского престола было закреплено за Чингизидами [6, с. 195]. Это обстоятельство диктовало для

потомков Идегея необходимость избрания на трон потомков Чингиз-хана. Это правило неукоснительно соблюдалось мангытами на всем протяжении 2-ой половины XV века. Во время борьбы за узбекское наследство ханами были Ядгар б. Тимур-Шейх, затем его сменил Ибак б. Махмудек. В 1490 г. его сменил выдвигенец Мусы Аминек б. Ядгар [16, с. 116], на рубеже 1491–1492 г. нам известно, что ряд ногайских аристократов выступил за призвание на ханство Ибака. Таким образом, положение Мусы подверглось угрозе, и для его сохранения ему было необходимо срочно найти замену Аминеку. Такой заменой, по всей видимости, должен был стать Шейх-Ахмед. В.В. Трепавлов обращает внимание на факт настойчивых поисков Мусой Чингизидов [16, с. 117]. Очевидно, что сближение с ахмедовичем не вписывалось во все предыдущие договоренности, инициатором которых со стороны ногаев как раз выступал Муса. Чем же тогда объяснить этот шаг? Возможно, для Мусы не было вариантов. Ибак – лидер сибирских Шибанидов – скорее всего не позволил бы никому из своей многочисленной родни занять «ногайский трон». Возможность избрания ханом кого-нибудь из крымских Гиреев представляется маловероятной. Потомство казанского хана Ибрахима полностью находилось в России, кроме Мухаммед-Эмина, правившего в Казани. Таким образом, оставались только потомки хана Большой Орды – Ахмеда. Переговоры о браке видимо шли в обстановке секретности. В пользу такого предположения говорит то, что «князи» свергли Шейх-Ахмеда за уже свершившийся брак. Среди этих «князей» несомненно, были мангыты, наиболее влиятельный род в Большой Орде [16, с. 119]. Итак, подобные маневры конфликтующих сторон позволяют нам сделать несколько предположений о политической системе Ногайской Орды. Во-первых, в ногайской политике в 90-е гг. XV в. еще сохранял свою властную роль племенной бек мынгытов. В этих событиях им выступал Аббас. Этот статус имел архаический характер, который мы можем отнести еще к тому периоду когда мангыты последовательно входили в Золотую Орду. Во время же оформления Ногайской Орды уже как государственного образования властные полномочия над всеми племенами, вошедшими в это объединение, стали исполнять бии, которые свою власть традиционно получали от Чингизидов. В результате в Ногайской Орде формируется институт соправительства, в рамках которого был племенной бий, возглавлявший мангытов и ногайский бий, правившей всей племенной конфедерацией. Из этого следует, во-вторых, что политическая структура этого кочевого сообщества усложнилась, но не получила стабилизирующего фактора в виде стройной системы престолонаследия. Система обеспечения верховной властью у потомков Идегея воспроизводила такую же у Чингизидов, но усложнялась дополнительными факторами, так как Идегеевичи не имели безусловного права на власть над всеми подчиненными им племенами, такую власть им мог делигировать Чингизид. В-третьих, по мере развития Ногайской Орды, как государственного образования, неизбежно должен был расти уровень конфликтности в правящей фамилии, которая в условиях многоженства и многодетности превращалась в сообщество равных претендентов на власть. Как следствие орду должны были сотрясать внутренние конфликты с пугающей регулярностью. Конфликт 1491–1495 гг. был одним из первых.

В этом противостоянии Муса проиграл, потерял власть и откочевал в «Туркмен». В.В. Трепавлов склонен относить это событие к 1491/92 г. По его

предположению, Ибак и Ямгурчи собирались в поход на Казань, и Муса по возвращению в орду остановил его [16, с. 117–118]. Логика исследователя понятна: зимой 1491–1492 г. Ибака призывали в Ногайскую Орду, в 1493–1494 г. он прислал грамоту Ивану III из которой видно, что он находился на Волге [12, с. 49]. Однако известно, что в начале 1493 г. Муса и Ямгурчи совершили поход на Астрахань, желая учинить Ибака и его брата Мамука на престоле Большой Орды. Поход не имел успеха, после чего Ибак вернулся в Тюмень [16, с. 118]. Походов на Казань или даже слухов на них в 1493 г. ни один из известных нам источников не фиксируют. Зато в разрядных книгах и летописях есть данные о походе Мамука на Казань, но он имел место в 1496 г. В это время Ибака уже не было в живых, он погиб в 1495 г. в борьбе с местной сибирской знатью Тайбугидами. Следовательно, нам представляется более оправданным относить откочевку Мусы в «туркменские» земли периодом после начала 1493 г. и до мая 1496 г., когда он пытался остановить поход Ямгурчи и сибирского царевича Мамука на Казань [12, с. 49–50]. В целом, поражение Мусы не оказалось для него фатальным, но конкуренция между их потомством сохраниться вплоть до 1530-х гг.

Более длительным и жестким станет противостояние начала XVI в., которое В.В. Трепавлов определил, как «Первая Смута» Ногайской Орды. Конфликт между мирзами возглавляемыми Алчагиром б. Мусой и Хасан-бием начался не позднее июня 1508 г., так как о нем упоминает Ак Курд [12, с. 79]. Хасан в противовес клану Мусы пошел на инвеституру ханом Агалака б. Махмудека, но это ни к чему не привело. Хасан и Агалак исчезли из источников: В.В. Трепавлов предположил, что они либо бежали, либо погибли. В этом конфликте не ясна роль Хасана. Был ли он бием Ногайской Орды или племенным бием. Если верно последнее, то не означал ли этот конфликт попытку племенного бия захватить власть над всей Ордой? Показателен факт, что противостоит ему в этом сын Мусы – Агалак. В целом, в политической истории ногаев очевидны претензии на власть именно клана Мусы, тогда как роль других кланов заметна мала. В конце 1500-х годов между мирзами началась борьба за гегемонию в Ногайской Орде [16, с. 144]. Открытый конфликт начался в 1510 г. Между сыновьями Мусы от разных жен Алчагиром и Шейх-Мухаммедом [16, с. 148–149]. Оба провозгласили себя биями [16, с. 147–149], однако возможности Алчагира сильно превосходили ресурсы его противника. Вокруг него сплотился сильный лагерь ногайской аристократии, ему подчинялась и «Башкирия» «надежная база материальных и людских ресурсов в борьбе за власть» [16, с. 148]. Первоначально верх одерживал Алчагир, которому удалось вытеснить Шейх-Мухаммада на правобережье Волги [16, с. 149]. Летом-осенью 1514 г. в ногайский конфликт вмешался хаджитарханский хан Джанибек б. Махмуд. Он послал посла к Алчагир-мирзе, Саид-Ахмед-мирзе, Мамай-мирзе, Кель-Мухаммеду б. Алчагиру. Суть предложенной хана сводилась к совместной войне с Шейх-Мухаммедом¹. Однако, не дожидаясь ногайских отрядов, Джанибек-хан вместе с Хаджике-султаном, его детьми и Мустофар-султаном обрушились на кочевья Шейх-Мухаммеда и разгромили его. Улус побежденного из 10 000 человек достался победителям.

¹ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 71об.

Сам мирза едва спасся бегством с отрядом из 19 человек². Подобный шаг астраханских династов вызвал у Алчагира недовольство. Он потребовал ограбить участников похода и то имущество отдать ногаям. Джанибек-хан проигнорировал предложения Алчагира. Ногаи откочевали на Яик. К ним прикочевал Шейх-Мухаммед и бил челом Алчагиру. Вероятно, Шейх-Мухаммед искал с ним примирения, но вместо этого был схвачен и посажен в тюрьму в Сарайчике. Столь вероломный поступок возмутил недавнего союзника Алчагира Мамай-мирзу. Мамай с отрядом в 50 батыров напал на стражу и освободил Шейх-Мухаммеда³. В то время Хаджике-султан и два сына Мустофар-султана покинули Хаджи-Тархан и ушли кочевать в поле со своими улусами и улусом Шейх-Мухаммеда. Мирза к ним прибился, и все вместе они откочевали в северокавказскую Тюмень. В Тюмени в ту пору находился Муртозахан б. Ахмед. Он, ссылаясь на свою старость, вместе с тюменскими султанами посадил на ханство Хаджике, а Шейх-Мухаммеда «на княжение»⁴. В Тюмени между союзниками произошел конфликт. Один из мустофаровых сыновей был ограблен и изгнан, другой – Муселим пойман. Джанибек-хан вновь призвал ногаев Алчагира на помощь в войне с Хаджике-ханом и Шейх-Мухаммедом⁵. Зимой 1515 г. Алчагир прикочевал к Астрахани и потребовал в плату за поход на Шейх-Мухаммеда ограбить Мустофар-султана и его детей и изгнать их из Хаджи-Тархана. Джанибек вновь проигнорировал требования мангытского династа, что спровоцировало конфликт. Алчагир с братьями двинулся на город. Ногаи стояли под городом день, между сторонами произошел бой, после которого кочевники начали отходить к Яику. Ответная погоня пленила около 300 ногаев⁶.

Осенью 1515 г. Шейх-Мухаммед разбил Алчагира, и тот с ближайшим окружением сбежал в Крымское ханство. Однако он не смог получить от Мухаммед-Гирей-хана помощи, так как тот вступил в переговоры с Шейх-Мухаммедом. Испугавшись сговора между ними Алчагир бежал [16, с. 153–154]. После этого бием Ногайской Орды стал Шейх-Мухаммед. Впрочем, его правление пришлось на сложное для Ногайской Орды. Казахи начали систематическое наступление на ногаев, в 1519 г. они были вынуждены просить крымского хана разрешить им переправиться через Волгу и укрыться от казахов в его владениях. Мухаммед-Гирей не только разрешил им переправиться к себе, но и предложил совместно сопротивляться новому врагу⁷.

Ногаи приняли предложение крымского хана и начали эвакуацию со своей стороны Волги. Астраханский хан Джанибек вмешался и перекрыл ногаям переправу. Он потребовал, чтобы ногаи заключили с ним мир и выдали крымского посла. Шейх-Мухаммед пошел на требования астраханцев⁸. Однако это их не умиротворило: начались столкновения. Бий Шейх-Мухаммед погиб в сражении, его улусы были захвачены. Ногайская знать бросилась

² РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 71об.

³ РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 71об. – 72.

⁴ РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 72.

⁵ РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 72 – 72об.

⁶ РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 72об.

⁷ РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 124об.

⁸ РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 127об.

бежать. Так, два ногайских мирзы с женами бежали в Азов⁹. Саид-Ахмед-мирза жестоко отомстил астраханцам за их вероломство. Он убил Муззофар-султана и еще семь султанов, вернул захваченные улусы, а также захватил астраханский юрт, так, что в результате «только один город остался»¹⁰.

В результате похода казахов в 1519 г. Ногайская Орда перестала существовать. Ногайская знать в основном эмигрировала в Крымское ханство. Во главе ногайской диаспоры в Крыму стал Мамай-мирза [15, с. 300]. Мухаммед-Гирей-хан представлял дело так, будто ногаи стали его подданными. В 1523 г. Мухаммед-Гирей был убит в только что покоренной им Астрахани, убили же его ногайские подданные. Достаточно подробный рассказ об этом событии содержится во Владимирском летописце, приведем его полностью.

«Того же лѣта царь Ахмут Кирии Крымскыи Азторохань взял, и там на него стал князь Мамай и уби царя Ахмута Кириа и сына его Богатыря Салтана. А тот князь Мамай у того же царя служил, убил государя своего, а родом князь Нагайскыи. И поспѣ к нему брат его Агишъ с Нагайскою силою и много князеи побил Татарских и шол в Крым Агиш и Мамай и поплени весь Крым, а городов ни единого не взял» [11, с. 146]¹¹.

Анализируя это летописное сообщение, мы видим, что с ногайской стороны действуют Мамай «князь Нагайскыи» и Агиш «с Нагайскою силою», но какое именно место они занимали во властной структуре ногайского общества не понятно. Можно полагать, что «князь Нагайскыи» в условиях коллапса Ногайской Орды в результате казахского нашествия вряд ли означало главу всей конфедерации племен. Скорее всего Мамай возглавлял тех ногаев, что приняли покровительство крымского хана и кочевали в Крымском ханстве. Так же считал и В.В. Трепавлов. Но не меньшее любопытство вызывает фигура Агиша. Из летописи не ясно, каких именно ногаев он возглавлял: тех, что ушли под покровительство к Гиреям или тех, что были покорены казахским ханом Касимом. Агиш, сын Ямгурчи, согласно сведениям Кадыр-Алибека, правил улусом [21, с. 138], следовательно, можно полагать, что он управлял ногаями, оставшимися в родных кочевьях.

Сигизмунд Герберштейн, описывая эти события, называет и Мамаю, и Агиша ногайскими князьями. Из текста ясно, что Мамай находится при Мухаммед-Гирее, а вот Агиш – в степи, где он собрал войско для «защиты пределов своего царства» [3, с. 451]. Можно сделать предположение, что Агиш возглавлял ногаев, оставшихся под властью Казахского ханства. После убийства Мухаммед-Гирея и разгрома крымцев произошло восстановление Ногайской Орды. Однако положение Мамаю и Агиша изменилось. Рассмотрим события 1522–1530 гг. через призму борьбы за власть.

Противостояние между двоюродными братьями началось после победоносного похода на Крымский полуостров. 26 июля 1523 г. в Азов прибыл посол от астраханского хана Хусейна, от которого стало известно, что он предлагал военный союз с крымским ханом против Мамаю. Он же сообщал, что бий Агиш выступит с ними против своего двоюродного брата. Впрочем, поход на

⁹ РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 130об. – 131, 135об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 135об. – 136.

¹¹ Весьма любопытно, что в этом отрывке ногаи не называются татарами, здесь татары – это крымские татары – и только.

Мамай мог состояться, лишь если их поддержит крымский хан Саадет-Гирей¹². Следовательно, Агишу удалось возглавить Ногайскую Орду и сменить свой статус с улусного бека на бия, правителя, всей Ногайской Орды [17, с. 224]. Однако Мамай сохранял свое влияние среди кочевников и у него было достаточно сил, чтобы ни Агиш, ни хан Хусейн не посмели выступить против него без поддержки крымского хана: «А не пойдешь ты, Саидет-Гурей-царь, на Мамаа, – ино и нам с Агишем не бывати на Мамаа: нам одним с ним неким стати»¹³. Позднее стало известно, что Мамай осадил Астрахань, но поддержал его из ногаев только Юсуф, который пошел отдельным полком, а вот Хаджи-Мухаммед (Кошум) с ними не пошел¹⁴. Из этого сообщения мы можем предположить, что Мамай первоначально пользовался поддержкой именно у этих ногайских аристократов. Мамай и Хаджи-Мухаммед жили и служили в Крымском ханстве. В мае 1522 г. Хаджи-Мухаммед сопровождал русское посольство Третьяка Губина и османское посольство Искендера Сака. Любопытно, что по сообщению русского дипломата Хаджи-Мухаммед был «ногайским князем»¹⁵. После астраханского погрома Мухаммед-Гирей и победоносного нашествия на Крымский полуостров «крымская группа» ногайской аристократии, возглавляемая Мамаем, потеряла влияние. Во всяком случае и Мамай, и Хаджи-Мухаммед упоминаются без княжеских титулов. Как следствие, они выступили против Агиша, который был вынужден налаживать отношения со всеми соседями. В короткие сроки он смог заручиться поддержкой и у астраханского, и у крымского ханов. Видимо это обстоятельство привело к тому, что Хаджи-Мухаммед покинул Мамай, Юсуф же, хотя и не бросил союзника, но решил действовать самостоятельно. В результате, осада Астрахани провалилась. Юсуф был разбит, ходили слухи, что он даже погиб, а Мамай же ушел на старое ногайское кочевье на р. Терек, а затем в Тюменское княжество на Каспийском море¹⁶. Примечательно, что когда он уходил из-под Астрахани, то от него сбежал Ислам-Гирей¹⁷. Эти сведения позволяют предположить, что Мамай, стремясь захватить Астрахань преследовал серьезные политические цели. Он хотел, сместив Хусейна, возвести в ханское достоинство Ислам-Гирей, который в свою очередь даровал бы ему достоинство беклярбека, что позволило бы претендовать на власть над всеми ногаями.

Из-за этой борьбы положение Агиша не отличалось стабильностью. Поэтому он отчаянно искал союзников, а также ему был необходим свой Чингизид. 15 февраля 1524 г. волошский посол сообщил крымцам о посольстве Агиша и мирз в Великое княжество Литовское. Они требовали отдать им последнего хана Большой Орды Шейх-Ахмеда, за что предлагали литовцам крепкую дружбу. Ногаи обещали разорить Крым, а города Очаков и Ислам-Кермен отдать королю. По сообщению волошского посла литовцы отдали им

¹² РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 263–263об. К этому же союзу планировалось привлечь казанского хана.

¹³ РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 263об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 270об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 207.

¹⁶ РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 270об. В источнике дословно сообщается следующее: «пошел Мамай мырза от Асторокани кочевать на старое на нагайское кочевие на Терк на реку...».

¹⁷ РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 272об.

Шейх-Ахмеда¹⁸. Хан вернулся и правил в Астрахани с 1525 по 1528 г. [4, с. 107–108, 249]¹⁹. Не исключено, что он провел процедуру возведения Агиша в достоинство беклярбека и, тем самым, укрепил его положение в Ногайской Орде.

В.В. Трепавлов полагал, что Агиш погиб в результате столкновения с казанским ханом около 1524 г. [17, с. 225], но это недоразумение, так как в посольской книге сообщается о том, что Агиш потерял казанского хана Сахиб-Гирея, который сбежал из Казани. Более того далее по тексту фиксируется активная деятельность Агиша вплоть до 1525 г., а вот сведений о его дальнейшей деятельности у нас и вправду нет. Скорее всего уже к 1526 г. он умер. Во всяком случае Сигизмунд Герберштейн в рассказе о Ногайской Орде упоминает уже других правителей: Шидака (Саид-Ахмеда), Коссума (Кошум – русских источников, Хаджи-Мухаммеда) и Ших-Мамая (Шейх-Мамая) [3, с. 437]. Этот сюжет был им написан под впечатлениями второй поездки в Россию в 1526 г. Следовательно, около этого времени в Ногайской Орде произошли серьезные изменения в системе организации власти. Если источники с конца XV века и до 20-х гг. XVI века фиксируют двух правителей: улусного бия, который правил элем мангытов и общеногайского бия, правившего всей конфедерацией племен, объединившимися вокруг потомков Идегея, то теперь мы видим трех правителей. Далее, принцип их управления теперь территориальный. Сигизмунд Герберштейн пишет следующее: «Первый из них Шидак, владел городом Сарайчиком, что за рекой Ра на восток, и страной, прилегающей к реке Яику; другой, Коссум, – всем, что находится между реками Камой, Яиком и Ра; третий [из братьев], Ших-Мамай обладал частью Сибирской области и [всей] окрест лежащей страной» [3, с. 437, 439]. В.В. Трепавлов, опираясь на это сообщение пришел к выводу о том, что при Саид-Ахмеди Ногайская Орда имела трехчастную структуру. А добавив сообщение Ураз-Али-мирзы от 1549 г., определял географию владений следующим образом: «кочевья по Яику (центр) под непосредственным управлением верховного государя-бия; западные, поволжские кочевья – правое крыло во главе с Хаджи-Мухаммедом (Кошумом) б. Мусой; восточные, заяицкие кочевья – левое крыло во главе с Шейх-Мамаем б. Мусой» [18, с. 497]²⁰. Однако, нам представляется, что сообщение Сигизмунда Герберштейна рисует несколько иную географию этих крыльев, которая изменилась уже в 1530-х гг. Дело в том, что указание имперского дипломата на то, что Шейх-Мамай обладал «частью Сибирской области...» совсем не тождественно заяицким кочевьям. Для Герберштейна Сибирь прилегает к реке Кама, граничит с «Пермией и Вяткой» и в ней начинается река Яик [3, с. 385]. Следовательно, мы можем полагать, что еще в 1526 г. ногаи не выдавили казахов с заяицких кочевий и территориально Ногайская Орда размещалась между Волгой, Яиком и Камой. Выход же ногаев за Яик произошел позднее.

Кроме несколько иного географического размещения крыльев Ногайской Орды, мы сталкиваемся с еще одним изменением. Около 1526 г. во властной

¹⁸ РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 286об.–287.

¹⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 163.

²⁰ В своей опубликованной монографии, ставшей классической, В.В. Трепавлов отмечает, что это сообщение фиксирует «...классическое кочевое (и не только) деление на крылья и центр» и далее анализирует крыльевую систему Ногайской Орды. См.: [17, с. 252–253].

структуре присутствуют только потомки Мусы, представителей же кланов Ямгурчи и Хасана нет. Это обстоятельство нам представляется важным. По всей видимости, после смерти Агиша, которому удалось консолидировать вокруг своей персоны Ногайскую Орду, клану Мусы удалось монополизировать власть, а своих конкурентов вытеснить на периферию правящей элиты. Это должно было вызвать сопротивление, что и фиксируется источниками.

В.В. Трепавлов полагал, что Саид-Ахмед «был провозглашен бием на соещании знати» и, следовательно, его статус не был полноценным. Поэтому среди других мирз то и дело возникали идеи о его смещении и вспыхивали мятежи. В марте 1535 г. в Астрахань откочевали три десятка мирз из клана Ямгурчи [17, с. 241]. Среди них были: Алач б. Ямгурчи с сыном Айваном, Сары б. Агиш, Колыват-мирза, Сююнч-Али-мирза. Напряжения в ногайско-хаджитарханских отношениях не сняло даже прибытия к Саид-Ахмеду посла Танабай-дувана. По словам русского посла Д.И. Губина, бий всю весну и лето «от них бережетца». Опасения Саид-Ахмеда подтвердились. 31 мая 1535 г. на Сарайчук напали «Агишевы дети» и два хаджитарханских султана. Город оказался пуст, так как население его заранее покинуло. Войско устремилось в погоню, но его встретил Шейх-Мамай-мирза [13, с. 146]. На этом противостояние не закончилось. Астраханский хан «шертию крепко» укрепился с ямгурчевичами и отослал посольством в Крымское ханство двух мирз «Агишевых детей». Сам бий так же оказался решительно настроен: назначил общий («всем кочем») поход на осень. Однако в среде ногаев сохранялось опасение, что если они не победят или хотя бы не замирятся со своими врагами, то, им негде будет зимовать, так как «со все де стороны недрузи ногаем» [13, с. 153]. Позднее Саид-Ахмед сообщал, что «Ямгурчиевы дети бежали, и яз половину их поймал, и ты не молви так, что бежали. И похочешь, и мы к тебе пошлем» [13, с. 156]. Это предложение красноречиво свидетельствует о выдавливании Ямгурчевичей из политической жизни Ногайской Орды, так как в политической борьбе постзолотоордынские государства использовали наряду с физическим устранением противников, ссылку их в сопредельные страны.

Впрочем, правление Саид-Ахмеда было омрачено не только борьбой с кланом Ямгурчи. Дело в том, что политика бия, направленная на концентрацию власти в своих руках, встретила общее сопротивление. Против его претензий выступили Шейх-Мамай и Исмаил, которые «вытравили» все кочевище бия и его улуса [13, с. 151]. Большинство мирз игнорировали призывы своего бия собраться на всеобщий съезд [13, с. 147]. Сопротивление степной аристократии удалось преодолеть только к 1537 г. К сентябрю 1537 г. в Ногайской Орде положение Саид-Ахмед-бия упрочилось. Ногайская племенная элита приняла нововведения своего бия. Новая структура определила властные полномочия ведущих мирз. Сопряжено это было и с персональными изменениями в правящей элите. Западное крыло Ногайской Орды возглавили Кель-Мухаммед-мирза и Урак-мирза. Очевидно, старые лидеры Хаджи-Мухаммед и Шейх-Мамай сходили с политической сцены, хотя и еще продолжали активную деятельность. В конечном счете, Саид-Ахмед лишился власти. В ноябре 1541 г. новое ногайское посольство сообщило об изменении власти в орде: на ногайский престол взошел Шейх-Мамай-мирза [10, с. 140], дети же Саид-Ахмеда покинули Ногайскую Орду и откочевали в Среднюю

Азию. Это оказалось последним известием о русско-ногайских отношениях до 1548 г.

Итак, за первую половину XVI в. Ногайская Орда прошла определенную эволюцию своей властной структуры. Сначала существовал институт улусно-го бия (возглавляет эль мангытов) и бий Ногайской Орды (правит всей конфедерацией племен). Статус последнего зависит от факта возведения его в это достоинство ханом-Чингизидом. Источники временами фиксируют его титул, как «улубий». Во второй половине 1520-х гг. Ногайская Орда приобретает трехчастную структуру: западное крыло-центр-восточное крыло. Первоначально восточное крыло, кочевало в «сибирской земле», но по мере вытеснения казахов оно заняло заяицкие кочевья. Во главе обновленной Ногайской Орды становятся потомки Мусы. Из элиты вытесняются кланы Ямгурчи и Хасана. Однако эта новая система не привнесла стабильности в Ногайскую Орду. Новый этап, начавшийся в начале 1540-х гг., стал связан уже с борьбой за власть внутри клана Мусы. Первой жертвой этой борьбы стал Саид-Ахмед и его дети, которые тоже оказались вытеснены из властной структуры.

Середина XVI века оказалась для Ногайской Орды наиболее трагическим временем. Противоборство в среде Идеевичей не кончалось. В конце 1540-х – начале 1550-х гг. появляется Казыев улус (Малая Ногайская Орда). Основал его представитель многочисленного клана Мусы Гази б. Урак б. Алчагир. Первоначально это было казачье сообщество, но позднее оно стало местом притяжения для всех политических неудачников, вытесненных из ногайской политической системы. К 1569 г. Казыев улус превратился в относительно стабильную политическую структуру, а сам Гази получил достоинство бия [17, с. 537–548]. Весьма этому поспособствовали события Второй ногайской смуты, в ходе которой политическая структура Ногайской Орды пережила экстремальную нагрузку. Вызвана она была тем, что братья Исмаил и Касим убили бия ногаев Юсуфа. После этого началась затяжная и жестокая междоусобная борьба. Противники Исмаила нашли приют как раз в Казыеве улусе. Здесь же укрылись потомки прежних ногайских владык: Хаджи-Мухаммеда и Мамая [17, с. 543]. Подробно рассматривать Вторую смуту мы не будем, это уже блестяще сделал В.В. Трепавлов [17, с. 344–393]. Нас же интересует скорее несколько иной аспект этой борьбы. А именно процесс концентрации власти в рамках рода. Так, уже к концу лета 1556 г. из правящей элиты орды исключены Шейхмамаевичи, глава которых Касим пал от рук сторонников Юсуфовичей. Потомство Шейх-Мамая лишилось нурадинства. Согласно летописям, это вызвало вооруженное столкновение между Юсуфовичами и Шейхмамаевичами [10, с. 274]. В 1557 г. до Москвы дошли сведения, что представители клана Шейх-Мамая объединились с казахским ханом Хакк-Назаром и стремились сместить Исмаила²¹. В 1558 г. Исмаилу удалось разгромить Юсуфовичей, и лидер клана Юнус выехал в Русское государство²². Однако эта победа не стала фактором стабилизации. Голод, охвативший Ногайскую Орду, и неспособность правящей верхушки найти выход из кризиса

²¹ РГАДА. Ф.127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 5. Л. 32об. Подробнее об истории отъезда ногайской знати в Московское государство и обстоятельствах их жизни и службы можно узнать из недавней монографии А.В. Белякова, см.: [2].

²² РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 71 – 76об.

привели к тому, что многие мирзы стали откочевывать под покровительство крымского хана или в Казыев улус. Среди этих вынужденных переселенцев были даже сыновья Исмаила²³. Покидали же они родные места не в одиночестве, а вместе со своими улусами, что приводило к уменьшению населения орды и снижению ее обороноспособности. В 1559 г. положение Исмаила и Ногайской Орды стало крайне тяжелым. По наблюдениям Е. Мальцева «...нагаи ... все пропали». Вокруг Исмаила и его детей осталось мало элей. Авторитет Исмаил-бия достиг наименьшей отметки. Против него выступали кочевавшие на востоке орды Шейхмамаевичи, а Кошумовичи начали откочевку в Крым с женами и детьми в числе 600 человек. В погоню за ними отправился Тохтар-мирза с отрядом в 300 сабель. Он их нагнал на Дону и отогнал лошадей. В погоню за Тохтаром отправился Дин-Али и отбил половину лошадей²⁴. Однако уже в 1560 г. ситуация стала понемногу улучшаться. Исмаил-бий в своей грамоте сообщал, что эли, откочевавшие в Крым, вернулись к нему²⁵. Исмаил пленил сыновей Уразлы: Пулад-мирзу и Бабаджан-мирзу и отправил их в Россию с ним, а их семьи – на судне. Урус-мирза и Ханбай-мирза во главе 13 мирз отправились в набег на Крымское ханство²⁶. Исмаил просил царя Ивана IV Васильевича «почтить» Хайдар-мирзу²⁷, старейшину клана Хасан-бия б. Ваккаса. В благодарность за переход Хасановичей на свою сторону Исмаил-бий назначил Хайдара сарайчуковским даругой [16, с. 295]. Так, в результате междоусобной войны представители старой семьи, давно уже вытесненные на периферию властной системы, смогли вернуться, но правда все равно не на первые роли. В конечном итоге, жестокая Вторая смута, завершилась тем, что власть в Ногайской Орде оказалась сосредоточена в рамках не просто клана Мусы, а одной семьи этого клана – Исмаила и его потомства.

По сути, вся история Ногайской Орды оказывается историей кровавой борьбы за власть среди потомства Идегея. Это явление не исключительное, но все же степень ожесточенности этой конкуренции нуждается в объяснении. Вызвано же это было таким явлением как «перепроизводство элиты». Прежде чем мы перейдем к его рассмотрению нам необходимо определиться с тем, что и кого мы понимаем под элитой в Ногайской конфедерации. Под элитой принято понимать «немногочисленную группу лиц, занимающих высшие статусные позиции (не обязательно формально закреплённые) в системе социальной иерархии и оказывающих значительное влияние на жизнь общества в различных сферах и/или обладающих теми или иными исключительными качествами и способностями, получающими высокую общественную оценку и признание» [9]. При таком понимании под элиту в узком смысле слова в Ногайской Орде подходит не так уж и много высших статусных позиций. Это улусный бий и улубий орды, естественно при такой узкой базе ожесточенные столкновения за власть были неизбежны, так как перепроизводство элиты происходило почти сразу, как только такое сообщество появилось. Петр Турчин описывает это явление следующим образом: «Перепро-

²³ РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 83об. – 84.

²⁴ РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 124об. – 125.

²⁵ РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 166 – 166об.

²⁶ РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 181.

²⁷ РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Кн. 5. 192об.

изводство элиты возникает, когда спрос на руководящие посты со стороны претендентов значительно превышает предложение» [19, с. 24]. Попытки стабилизировать систему привели к появлению крыльевой структуры и увеличения высокостатусных позиций, однако число претендентов постоянно росло. В итоге, Ногайская Орда попала в «эффект усиления», когда «мы увеличиваем количество претендентов в два, а затем в три раза, число неудовлетворенных увеличивается в десять, а затем в двадцать раз (Это общая черта перепроизводства элит)» [19, с. 27]. Этот «эффект усиления» в нашем случае пришёлся как раз на середину XVI в. и из-за неразвитости социальной структуры ногайской конфедерации взорвал ее изнутри. В этих условиях выходов из кризиса было не много. Во-первых, усложнить систему управления, что ногайские бии попытались сделать. В частности, источники фиксируют должность сарайчуковского даруги, которая достается представителю династии Идегея, чего ранее документы не сообщали. Затем появляться должность «тайбуги», но все эти новации не смогли кардинальным образом переломить ситуацию. Во-вторых, это выход из конфедерации и создание своих политий. Примером такой стратегии и стали откочевки Гази б. Урака и создание своей политии – Казыев улус и создание Шейхмамаевичами – Алтыульского улуса. В-третьих, отъезд к другому монарху на службу [2]. Что так же было осуществлено и сформировало в рамках ногайской общности «феномен служилости» [5, с. 241–247], который позволял ногайской аристократии позднее относительно бесконфликтно решать проблему «перепроизводства элит». В конечном итоге, отказ от поддержания такой большой конфедерации племен, какой была Ногайская Орда, привел к тому, что острота внутриэлитного конфликта снизилась, а наиболее крепкой базой функционирования ногайского общества стала связка мирза и подчиненные ему эли. Эта связка, как это нам известно из последующей истории, пережила и саму Ногайскую Орду и сохранялась еще в XIX веке [8, с. 453–466].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абул-Гази. Родословное древо тюрков / пер. Саблуков Г.С. Казань, 1906. 352с.
2. Беляков А. В. Ногайская знать в России XVI–XVII веков. М.: Старая Басманная, 2023. 324 с.
3. Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. Т. I. Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Малеина и А.В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А.В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.
4. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: «Восточная литература» РАН, 2004. 303 с.
5. Кидирниязов Д.С., Ишмухамбетов Р.В. Служилые группы у ногайцев и других кочевых народов Северного Прикаспия // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы XI Международного форума историков-кавказоведов, посвященного 100-летию принятия первой союзной Конституции и образования Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2024. С.241–247.
6. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 368 с.

7. Крадин Н.Н. Из переписки с В.В. Трепавловым // «Феномен верховной власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования». Сборник памяти В.В. Трепавлова. М.: Институт российской истории РАН, 2024. С. 54–67.
8. Пашаоглу Д.Д., Миргалеев И.М. Поборы и штрафы ногайской родовой аристократии, отраженные в османских документах // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 453–466. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.453-466> EDN: CRHUWJ
9. Подвойский Д.Г. Элита // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4930813> (дата обращения 08.01.2025)
10. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская II (Архивская летопись). М.: Наука, 1965. 239 с.
12. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. / Сост. Н.М. Рогожин. М., 1984. 99 с.
13. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. / Б.А. Кельдасов, Н.М. Рогожин, Е.Е. Лыкова, М.П. Лукичев. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. 356 с.
14. Сборники императорского русского исторического общества. Спб., 1884. Т. 41. 558 с.
15. Тихомиров М.Н. Из «Владимирского летописца» // Исторические записки. Т. 15. М., 1945. С. 278–300.
16. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
17. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. 3-е изд. М.: Квадрига, 2020. 1040 с.
18. Трепавлов В.В. Хакимы Кипчакской степи. Очерки ранней истории ногайцев (Москва, 1998) // Трепавлов В.В. Неизданные работы. М.: Издательский дом «Медина», 2024. С. 365–520.
19. Турчин П. Конец времен. Элиты, контрэлиты и путь политического распада. М.: Издательство АСТ, 2024. 432 с.
20. Утемиш-хаджи. Кара-таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
21. Хисамиева З.А. Язык дастанов Кадыр Али-бека. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 244 с.

REFERENCES

1. Abul-Gazi. The family tree of the Turks. Tr. by Sablukov G.S. Kazan, 1906, 352 p. (In Russian)
2. Belyakov A.V. Nogai nobility in Russia of the 16th–17th centuries. Moscow: Staraya Basmannaya, 2023, 324 p. (In Russian)
3. Herberstein C. Notes on Muscovy. In 2 volumes. Ed. by A.L. Khoroshkevich. Vol. 1. Latin and German texts, Russian translations from Latin by A.I. Malein and A.V. Nazarenko, from Early Modern High German by A.V. Nazarenko. Moscow: Monuments of Historical Thought, 2008, 776 p. (In Russian)

4. Zaitsev I.V. Astrakhan Khanate. Moscow: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences, 2004, 303 p. (In Russian)
5. Kidirniyazov D.S., Ishmukhambetov R.V. Military groups among the Nogai and other nomadic peoples of the Northern Caspian region. The peoples of the Caucasus in the 18th–21st centuries: history, politics, culture: proceedings of the XI International Forum of Historians of the Caucasus, dedicated to the 100th anniversary of the adoption of the first Union Constitution and the formation of the North Caucasus Region. Rostov-on-Don: Federal Research Centre Southern Scientific centre of the Russian Academy of Sciences, 2024, pp.241–247. (In Russian)
6. Klyashtorny S. G., Sultanov T. I. States and peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the Middle Ages. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2004, 368 p. (In Russian)
7. Kradin N.N. From correspondence with V.V. Trepavlov. “The phenomenon of supreme power and the process of formation of the imperial state are inexhaustible for research”. Collection in memory of V.V. Trepavlov. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2024, pp. 54–67. (In Russian)
8. Paşaoğlu D.D., Mirgaleev I.M. Extortions and fines of the Nogai family aristocracy, reflected in Ottoman documents. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 453–466. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.453-466> (In Russian)
9. Podvoisky D.G. Elite. *The Great Russian Encyclopedia*. Available at: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4930813> (date accessed 08.01.2025) (In Russian)
10. The Complete collection of Russian chronicles. Vol. 13. The chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon chronicle. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000, 544 p. (In Russian)
11. The Complete collection of Russian chronicles. Vol. 30. Vladimir Chronicler. Novgorodskaya II (Archivskaya chronicle). Moscow: Nauka, 1965, 239 p. (In Russian)
12. Embassy books on Russia’s relations with the Nogai Horde of 1489–1508. Comp. by N.M. Rogozhin, M., 1984, 99 p. (In Russian)
13. Embassy books on Russia’s relations with the Nogai Horde. 1489–1549. By B.A. Keldasov, N.M. Rogozhin, E.E. Lykova, M.P. Lukichev. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatelstvo, 1995, 356 p. (In Russian).
14. Collections of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 41, St. Petersburg, 1884. 558 p. (In Russian)
15. Tikhomirov M.N. From The Vladimir Chronicler. *Historical notes*. Vol. 15. Moscow, 1945, pp.278-300. (In Russian)
16. Trepavlov V.V. The history of the Nogai Horde. Moscow: Moscow: Vostochnaya literatura, 2002, 752 p. (In Russian)
17. Trepavlov V.V. The History of the Nogai Horde. 3rd edition. Moscow: Quadriga, 2020, 1040 p. (In Russian).
18. Trepavlov V.V. Khakims of the Kipchak steppe. Essays on the Early History of the Nogais (Moscow, 1998). *Trepavlov V.V. Unpublished works*. Moscow: Medina Publ., 2024, pp. 365-520. (In Russian)
19. Turchin P. The end of time. Elites, counter-elites and the path of political disintegration. Moscow: AST Publ., 2024, 432 p. (In Russian)
20. Utemish-hadji. Kara-tavarikh. Transcription by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfedinova, Z.T. Khafizov; tr. into Russian by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfedinova; general and scientific edition by I. M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, 312 p. (In Russian)
21. Khisamieva Z.A. The language of Kadyr Ali-bek’s dastans. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2022, 244 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максим Владимирович Моисеев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0421-8982, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksi-moisee@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksim V. Moiseev – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0421-8982, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksi-moisee@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 23.10.2024

Поступила после рецензирования / Revised 23.12.2024

Принята к публикации / Accepted 09.01.2025